

няли его.

В течение трех дней греки из всех этих мест, расположенных не далее чем в дне пути, собрались вместе и приступили к осаде Аркадиополя со всех сторон. Наши не только доблестно оборонялись. Они открыли свои ворота и всеми силами атаковали врага. По Божьему повелению, греки кинулись в бегство, а наши, пустившись в погоню, начали разить и убивать их. На открытом месте они гнали их целое лье, многих убили и захватили много коней и изрядно иной добычи.

Так что воины с большой радостью возвратились в город. Об этой победе они известили императора Балдуина в Константинополе, который был ею весьма обрадован. Тем не менее наши люди решили не удерживать город Аркадиополь и, на следующий день выйдя из него, возвратились в Чорлу. В нем они пребывали в большом напряжении, опасаясь и жителей города, и тех, кто был вне его, зная, что все они принесли клятву верности королю Валахии, в силу чего должны предавать всех французов. Мало наших людей отважились оставаться в Чорлу, и все вернулись в Константинополь.

В это время император Балдуин, граф Луи и дож Венеции, обеспокоенные тем, что постепенно теряют империю, встретились, чтобы обговорить положение дел. В результате они пришли к соглашению, что император должен приказать своему брату Анри, который находился в Адриатике, оставить все, что он успел завоевать, и идти к ним на помощь.

Граф Луи, в свою очередь, отправил послания Пэйану Орлеанскому и к Пьеру де Брасье и к их людям, которые были с ними в Лопадуме, и, приказав им бросить все завоеванное, за исключением прибрежного города Спига, оставив в нем самую малость воинов, и со всеми остальными прийти к ним на помощь.

Далее император повелел Макэруде Сент-Менеу, Матье де Валенкуру и Роберу де Ронсуа, которые с сотней рыцарей находились в Никомедии, оставить город и тоже двинуться к нему на подмогу.

По приказу императора Балдуина Жоффруа де Виллардуэн, маршал Романии (т. е. завоеванной Восточной Римской империи. – Ред.) и Шампани, и Манассье де л'Иль выехали из Константинополя, взяв с собой столько людей, сколько могли собрать, – а их было очень мало, учитывая, что вся империя была на краю гибели. И они скакали верхом до города Чорлу, что был в трех днях пути от Константинополя, где застали Гийома де Бланвеля и тех, кто вместе с ним пребывал, в великом страхе; прибытие маршала с воинами заставило их несколько приободриться. Они провели в Чорлу четыре дня. Пока они были там, император Балдуин послал маршалу еще, сколько мог, людей из войск, прибывших в Константинополь, и к четвертому дню у них в Чорлу собралось семьдесят рыцарей.

И тогда маршал Жоффруа и Манассье де л'Иль со своими людьми снова пустились в дорогу. Они скакали, пока не достигли города Аркадиополя, где и остановились на ночь. Тут они провели один день прежде, чем двинуться к Бургарофигону. Греки оставили его, и рыцари разместились в нем на ночь. На следующий день они добрались до города Никитца, очень красивого и превосходно укрепленного, с обилием всяческого добра. Они выяснили, что греки покинули его и все переместились в Адрианополь. Но поскольку город Никитца находился всего в девяти лье от Адрианополя, где собралось великое множество греков, они решили дождаться появления императора Балдуина.

А теперь мне бы хотелось рассказать о необыкновенном событии. Ренье де Трит, который оставался в Филиппополе, в добрых девяти днях пути от Константинополя, имея при себе примерно сто двадцать рыцарей, был покинут своим сыном Ренье, братом Жилем, племянником Жаком де Бонди и Ашаром де Верденом, замужем за которым была его дочь. Они увели с собой около тридцати рыцарей, оставив остальных, как вы можете представить, в большой опасности. Они собирались спокойно добраться до Константинополя, но увидели, что народ по всей стране взбунтовался против них. В бегстве они потерпели поражение. Греки схватили их, а потом выдали королю Валахии, который приказал отрубить им головы. Могу заверить вас, что в нашей войске почти не сожалели о них – кто так позорно обошелся с теми, кому они были обязаны подчиняться.

И когда другие рыцари Ренье Тритского увидели все это, те, кто не был так близок к нему, тоже покинули его, не испытывая стыда, и около восьмидесяти рыцарей двинулись другой дорогой. Ренье Тритский и немного его людей были окружены греками со всех сторон. Фактически в Филиппополе и в Станимаке при нем оставалось не более пятнадцати рыцарей, хотя Станимак был очень мощным замком, в котором Ренье де Трит затем длительное время подвергался осаде.